

V.O. Bobrovnikov. Islam and Soviet Legacy in collective farms of North-West Daghestan

This article, written on the author's field and archival materials, studies social roots of stormy movement for the Islamic revival enveloped *Avaristan* (northern and western districts of Mountainous Daghestan inhabited by Avars, Andy and Tsez peoples) over the last 6–7 years. It explores a strange coexistence of Islamic and Soviet institutions in collective and state farms of that region and new relations emerged from their interaction. The author argues, that it occurs a gradual Islamic transformation of mountain collective and state farms into village Muslim communities (*jamaats*). After division of large collective and state farms into small ones their institutions and functions have been captured by *jamaats*. Local Muslim leaders seized the power in the most of villages. Pastures and forests of collective farms (the former *kolhoznyaya sobstvennost'*) became collective property of *jamaats*. Their arable lands (the former *priusadebnye uchastki*) were divided into small private plots between *jamaat* families. In some villages mosque property (*vakuf*) was restored. Frequent clashes between *jamaats* for pasture-lands and water resources determine current situation in the villages of *Avaristan*.

© 1997 г., ЭО, № 5

О.И. Бруси́на

РУССКИЕ В СТРАНАХ БАЛТИИ И СРЕДНЕЙ АЗИИ (права и социальные возможности)*

Зачастую положение национальных меньшинств в том или ином государстве рассматривается политологами, прежде всего исходя из их правового статуса, основанного на законодательстве. Сравнительный анализ положения русских в избранных для изучения регионах позволяет понять, насколько правомерен такой подход, и какие иные факторы нужно принимать во внимание, чтобы составить представление о реальном состоянии дел. В рамках статьи данная проблема может быть изложена лишь с известной долей схематизма, так как ситуация в государствах, входящих в каждый из регионов, в чем-то подчас весьма существенно различается. Только с большой степенью условности можно, применительно к названной теме, говорить о типологическом единстве стран Балтии и о таком же единстве стран Средней Азии. Касаясь первого региона, я ориентируюсь, главным образом, на Эстонию и Латвию, так как положение в Литве несколько отличается. Равным образом, в статье не затрагивается специфическое положение русской диаспоры в охваченном гражданской войной Таджикистане. Говоря о среднеазиатском регионе, я имею в виду и Казахстан (особенно его южные области), так как по ряду черт это государство типологически сходно со своими южными соседями.

Мои источники, касающиеся различных государств, неравноценны. По Эстонии имеются полевые материалы, собранные в декабре 1995 г. в Таллине и Нарве, по Латвии – лишь опубликованные тексты документов. Полевые материалы по среднеазиатскому региону относятся к началу 1990-х годов, мой последний выезд в Киргизию и Узбекистан состоялся осенью 1993 г.

Достаточно условны понятия «русская диаспора», «русскоязычные». Массовым сознанием, так же как и документами, в странах Балтии различаются «коренные русские» и «мигранты». Есть особая категория представителей смешанных семей, есть, наконец, двуязычные русские, и такие, кто не считает русский родным языком.

*Работа выполнена при поддержке: the Research Support Scheme of the Higher Education Support Programme, grant № 481/1995.

Вместе с тем, в странах Средней Азии практически неотличимы русские и другие славяне, а подчас с русскими там идентифицируют себя и многие иные выходцы из европейских республик бывшей единой страны. Совпадение социальных интересов, а вместе с этим и ощущение определенного единства присуще членам самых разных общин, представляющих нетитульное население Эстонии и Латвии. Используемая терминология имеет обоснование¹, хотя она отражает некую упрощенную модель, в которой отсечены различные «нестандартные» или переходные состояния, ее удобно применять, если внимание заострено на проблемах, общих для больших групп населения. Столь же схематичны и условны понятия «титульное» или «коренное» население.

При всех цивилизационных различиях двух выбранных регионов правовое положение в них русского населения, как и его социальные характеристики, имеют общие черты.

И там, и там большинство русских и других выходцев из России, Украины, Белоруссии появились вследствие государственной программы по индустриализации союзных республик. Мигранты индустриальной волны сосредотачивались в городах, создавали промышленные центры и несли с собой весьма стандартизированный образ жизни. Их деятельность была связана с крупными производствами, а также с отдельными сферами интеллектуального труда. В республиках Балтии и Средней Азии доля работников индустрии среди местных русских в конце 1980-х годов достигала 55–60%². Более половины всего русского населения – мигранты в первом поколении³.

Во всех этих государствах действуют законы, предопределяющие некоторые преимущества «титульных наций», и, соответственно, дискриминационные в отношении национальных меньшинств, в частности – самого крупного из них – новой русской диаспоры. В конце 1980-х годов на волне движения за суверенитет подобные меры объяснялись властями как стремление сдержать влияние русской и более широко – российской культуры. Корни такой доктрины анализировались в литературе, они уходят в эпоху социализма, когда в советском обществе развивались идеи этнонационализма, проводились «нациестроительство» и политика коренизации. Подобные идеи явились важным идеологическим обоснованием разделения Союза на независимые, этнократические по своей сути государства⁴.

Республиканские законы о языках имеют наибольшее сходство. Фактически ими решались не только языковые, но и широкие социально-политические задачи, отражающие интересы новой этнической элиты⁵. Ни в одном из этих законов русскому не предоставлен статус государственного – этим статусом повсеместно обладает лишь язык «титульного этноса». Законы подразумевали значительное сужение сферы применения русского языка, что резко сокращало социальные возможности русскоязычного населения. База для овладения русскоязычными людьми языками коренных народов оставалась неразвитой.

В республиках Балтии для русского языка не предусмотрен какой-либо особый статус, этот язык вообще практически не упоминается в законах. Наиболее жесткие законы о языках приняты в 1992 г. в Латвии и в 1995 г. в Эстонии. Согласно этим законам, все делопроизводство должно вестись на «титульном» языке. К работникам всех организаций и учреждений, в которых есть общение с населением, предъявляются требования владеть государственным языком⁶, причем часто явно завышенные и не соответствующие должности⁷. Латвийский закон предполагает в государственных вузах со второго года обучения только на латышском языке, во всех областях культуры гарантируется употребление только латышского языка и местных балтийских диалектов⁸. В Эстонии к 2000 г. предполагается перевести на эстонский язык преподавание даже в старших классах русских школ⁹. В Латвии возможность выбора иного языка делопроизводства в местах компактного проживания национальных меньшинств или в их культурных объединениях не предусмотрена. В Эстонии все языки, кроме эстонского, объявлены иностранными, в местных самоуправлениях внутреннее делопроизводство может вестись наряду с эстонским на одном из них, хотя

работники должны владеть и эстонским¹⁰. Эти законы значительно урезали функции русского языка по сравнению с прежними законами, принятыми в 1989 г.¹¹

В странах Средней Азии и в Казахстане за русским закреплен весьма неопределенный статус «языка межнационального общения», что имеет, по словам М.Н. Губогло, психологический момент¹². По мнению того же автора, если судить по реальному распределению функций «титულных» языков и русского, то принципиальных различий нет¹³. В этом регионе обеспечены определенные правовые гарантии функционирования русского языка в сфере делопроизводства и образования. Наиболее широкие возможности для использования русского языка заложены в казахстанском законе 1989 г.¹⁴. Отдельные положения законов, принятых еще в 1989 г., в том числе о знании «титулных» языков должностными лицами, предполагалось реализовывать поэтапно через 5–10 лет¹⁵.

Однако уже по прошествии нескольких лет выяснилась несостоятельность декларированных сроков. Ближе к середине 1990-х годов, после некоторого спада волны национализма в Средней Азии и в Казахстане установилось более либеральное отношение к русскому языку. В проекте новой конституции Казахстана русскому дается статус официального языка, хотя казахский остается единственным государственным языком¹⁶. Идея внедрения казахского языка во все сферы интеллектуальной и управленческой деятельности постепенно отодвигается на неопределенный срок, как нереалистичная¹⁷. В Киргизии в 1993 г. был открыт Славянский университет. В 1995 г. обнародована позиция Конституционного совещания Киргизии и президента А. Акаева о необходимости придания статуса официального русскому языку¹⁸. В принятом в 1995 г. новом законе Узбекистана исключена статья 4-ая предыдущего закона об обязательности владения должностными лицами государственным языком. Нет и прежних ограничений на получение образования для тех, кто не знает узбекского языка¹⁹.

Законы о гражданстве в обоих рассматриваемых регионах имеют более резкие различия, хотя даже само по себе институцирование нового гражданства как альтернативы российскому или бывшему союзному создает проблемы, общие для представителей каждой из русских диаспор.

Во всех среднеазиатских государствах, а также в Казахстане и Литве принят так называемый «нулевой вариант» получения гражданства (это право представляется каждому, постоянно проживающему в данном государстве на момент принятия закона). Гораздо больше проблем у русскоязычного населения Эстонии и Латвии. Здесь «автоматически» гражданами стали лишь те, кто сам, или чьи родители родились в данной республике до ее вхождения в состав СССР, т.е. до 1940 г. Остальные неэстонцы или нелатвыши для получения гражданства должны выдержать сложные экзамены на знание государственного языка (в Эстонии на этом языке следует продемонстрировать к тому же знание эстонской конституции и закона о гражданстве), иметь постоянный источник дохода, быть лояльным к государству²⁰. Гражданство одного из «натурализовавшихся» членов семьи не влечет за собой такой же статус для других (жены, детей)²¹. В Латвии отказывается в натурализации тем, кто, в частности, распространял после 1990 г. «...идеи шовинизма, коммунизма и другие идеи тоталитаризма»²².

Указанные сложности привели к тому, что в этих двух странах остается значительный процент русскоязычного населения без гражданства. Так, в Эстонии существует целый ряд категорий русских: граждане по праву рождения; граждане, прошедшие тесты и «испытательный срок натурализации». Далее, лица без гражданства – «апатриды», «граждане мира» – которым будет выдан паспорт иностранца с печатью «бывший гражданин СССР», и люди, принявшие, несмотря на постоянное жительство в Эстонии, российское гражданство. Основная масса представителей трех последних категорий имеют, либо ожидают получения временного (таких большинство) или постоянного вида на жительство; для получения того и другого также необходимо иметь постоянный источник дохода в Эстонии²³. В итоге из

почти 440 тыс. русских лишь 190 тыс. получили эстонское гражданство²⁴. В Латвии установлена очередность рассмотрения заявлений о гражданстве до 2003 года в зависимости от возраста человека и места его рождения²⁵. Там к марту 1995 г. зарегистрированные неграждане составляли более 30% всего населения, а в отдельных районах (Рижском и других) их доля была близка к половине населения²⁶.

В Эстонии и Латвии права и социальные возможности граждан и неграждан существенно различаются, поэтому большинство населения стремится к получению гражданства этих стран. Неграждане лишены права голоса при выборе в центральные органы власти (а в Латвии – и в местные органы власти)²⁷, они не могут выдвигаться для избрания в любые (местные и центральные) органы власти, не имеют права на создание политических партий и даже на участие в выборах в органы культурного самоуправления²⁸. Кроме того, для них существует запрет на ряд профессий. Без эстонского гражданства нельзя служить в государственных и муниципальных учреждениях, в органах правопорядка, заниматься юридической практикой, возглавлять частные предприятия (а процесс приватизации в странах Балтии идет быстрыми темпами). В Латвии существует около 30 запретов на профессии²⁹. В этой стране только гражданам могут быть переданы в собственность земля и другие природные ресурсы³⁰. Лица без гражданства в Эстонии лишены возможности получать банковские кредиты или инвестиции для развития своей предпринимательской деятельности, ссуды для покупки недвижимости, свободно распоряжаться своей собственностью, на равных участвовать в разного рода приватизации³¹. При переходе на другую работу от них требуют специальное разрешение властей. Некоторые категории неграждан не могут выехать за границу, в том числе в Россию, поскольку назад, даже в собственную квартиру, где живет их семья, они согласно закону возвратиться не смогут³².

Таким образом, несмотря на определенное сходство статуса русской диаспоры в обоих рассматриваемых регионах, с правовой точки зрения положение русских в Эстонии и Латвии гораздо более сложное, чем в государствах среднеазиатского региона. Причем если в первых двух странах с 1989 г. права русскоязычного населения постепенно урезались, то в последних наметилась противоположная тенденция. Выводы о существенном ущемлении прав национальных меньшинств в двух балтийских странах делались и международными экспертными комиссиями³³.

Однако, анализируя события последних лет, реальную обстановку в новых государствах двух регионов, миграционные настроения русскоязычного населения, задавшись вопросом, можно ли на основании правового статуса судить об объективных интеграционных и социальных перспективах отдельных национальных групп, а также – насколько эффективны новые законодательства для решения национальных проблем в той или иной стране?

Представляется, что хотя этнонациональная основа государственности в обоих регионах имеет одни и те же идеологические корни, в настоящее время ее функции весьма различны, так же как и предопределяемые ею социальные последствия для русской диаспоры. Реальные особенности положения русского населения во многом определяются исторически обусловленными чертами социальной жизни и общественного сознания, присущими коренному населению данных государств, а также сложившейся там демографической ситуацией. Эти особенности отражаются в выработанных властями концепциях социального и экономического развития государств.

В странах Балтии в среде «титульного» населения широко распространены идеи о том, что этнической культуре и самобытности балтийских народов грозит опасность ассимиляции и разрушения со стороны более крупных народов, и в первую очередь – русского. Причины такой обеспокоенности – относительная малочисленность «титульного» населения, очень низкие показатели его естественного воспроизводства. В Эстонии в последние годы численность населения вследствие естественной убыли сокращалась примерно на 8 тыс. человек ежегодно; показатель рождаемости у эстонцев ниже, чем у других национальных групп Эстонии в различные годы – на

1–3%³⁴. Эстонская община весьма замкнута и изолирована от русскоязычного населения. Та и другая группы живут практически в разных информационных пространствах, эстонско- и русскоязычные СМИ иногда интерпретируют происходящие события с противоположных точек зрения, что увеличивает различия во взглядах представителей разных общин³⁵. У наблюдателя, посетившего Эстонию, складывается впечатление, что идея защиты своей этнокультурной «самости» характерна для большинства эстонцев. Эта идея обострена из-за большой доли русского населения в республике (475 тыс. русских и 948 тыс. эстонцев – по Переписи 1989 г.); та же ситуация характерна и для Латвии (906 тыс. русских и 1388 тыс. латышей).

На самом деле, воплощение идей этнического самосохранения является неким мифом, потому что предполагает искусственное торможение и даже поворот вспять объективных социальных процессов. Актуализации этноцентристских идей среди населения в немалой степени способствуют средства массовой информации и те политики, которые выдвинулись, провозглашая лозунги этнонационализма. Вместе с тем, за рамками проблем, осознаваемых обществом, обычно остается тот факт, что некоторое размывание национальной культуры балтийских народов, их, скажем так, монолитности – следствие не только (а может быть, и не столько) политики советской власти, массовых миграций из России, сколько внутренних факторов развития общества и прежде всего – следствие процессов урбанизации, которые по времени совпали с советским периодом. Соответственно трансформировалась и культура, присущая образу жизни сельского населения, но воспринимавшаяся как общенациональная. Этот процесс необратим, однако в психологии массового сознания он связывается не с объективными факторами, а с конкретными «виновниками» ускоренной урбанизации – мигрантами из России. Эта проблема, конечно, – только одна из широкого круга вопросов, решение которых субъективно связывалось с обретением балтийскими странами независимости.

Главным образом, именно актуальностью этнической идеи объясняется очень жесткое законодательство в отношении русского населения, особенно тех, чье поселение в регионе вызвано миграциями советского периода. Представляется, что главная цель, которая преследовалась при принятии этих законов, – в максимальной степени воспрепятствовать или затруднить интеграцию русских в общество новых государств и вынуждать их эмигрировать в Россию. Помимо государственного законодательства той же сверхзадаче подчинены многие подзаконные действия местных и центральных властей, ограничивающие социальные возможности и удовлетворение духовных потребностей русского населения, что не является, впрочем, секретом для широкой общественности.

Так, в Эстонии, несмотря на статью 11 Закона о языке, власти не разрешают использовать для ведения документации русский язык даже в местах компактного проживания русских³⁶ (на северо-востоке республики в городах Силамяэ и Нарве 97 % и 96% жителей – русскоязычны)³⁷. По распространенному в республике мнению, под денационализацию, перепрофилировку и рассредоточение мощностей попадают прежде всего предприятия именно северо-восточных районов (в том числе не только ориентированные в прошлом на союзные нужды, но и столь необходимые стране, как, например, электростанции). Туда не доходят инвестиции западных компаний, численность работников на таких предприятиях, имеющих градообразующее значение, сократилась в два – восемь раз.

Эстонское правительство создает серьезные преграды для деятельности Православной церкви. В конце 1995 г. разгорелся скандал из-за того, что оно отказало Православной церкви, находящейся под юрисдикцией Московской Патриархии, в официальной регистрации. Под тем же названием была зарегистрирована другая православная община. Среди всех православных доля ее приверженцев не превышает 5–10% (в основном это – эстонцы, принявшие православие до 1918 г., и их потомки). Община существует со времен освобождения Прибалтики от немецкой оккупации, когда вместе с гитлеровскими войсками группа православных деятелей ушла из

Эстонии на Запад, поэтому ее руководство находится за пределами Эстонии – в Стокгольме. Тем самым Православная церковь Московской Патриархии лишается права собственности на церковное имущество и недвижимость, а священники оказываются как бы вне закона.

Предъявляя жесткие требования к знанию эстонского языка, власти, однако, не способствуют его изучению некоренным населением. Программа обучения почти не финансируется эстонским правительством, нет методики обучения языку, повсеместно не хватает преподавателей³⁸. Многие русскоязычные родители хотели бы, чтобы их дети учились языку, посещая эстонские детские сады, однако сам министр просвещения публично «не рекомендовал» принимать туда русских, чтобы в группах сохранялось «явное преобладание одного языка»³⁹.

Зададимся вопросом, насколько тенденции развития общества, сложившегося в балтийских государствах в последние десятилетия, можно переломить, благодаря проведению подобной политики?

Различные социологические исследования последних лет, также как и собственные материалы автора показывают, что русское население ни в одной из балтийских республик не склонно эмигрировать в Россию. Наоборот, подавляющее большинство русских ищет возможности стать полноправными гражданами и готово защищать свои права. Представители русской диаспоры видят для себя определенные положительные стороны жизни в этих странах: упорядоченность жизни, цивилизованные формы деловых отношений и бизнеса, а также, – что немаловажно, – более перспективная, по их мнению, чем российская, экономика, во многом ориентированная на Запад и им же поддерживаемая в виде инвестиций. Русские, родившиеся в Прибалтике или прожившие там достаточно долгое время, осознают себя по стереотипным чертам поведения иными, чем россияне, поскольку кое-что в характере переняли у представителей балтийских народов. Русские респонденты отмечали, что привыкли к высокой «немецкой» культуре быта и обслуживания, к пунктуальности, деловитости, вежливости окружающих. Они (респонденты) кажутся себе более холодными и прагматичными, чем россияне, последние в их глазах более открыты, общительны, даже навязчивы. В России жителей Эстонии раздражает и пугает бюрократизм, безответственность, грубость, бескультурие и лень населения, особенно сельского⁴⁰. Данные о намерении русских остаться в Эстонии содержат материалы разных опросов: по одним желание остаться выражают 93% русских⁴¹, по другим – 63%⁴²; опрос в Таллине показал 47%, в г. Нарве – 89%⁴³.

В 1991 г. значительная часть русских, живущих в балтийских республиках, высказались на референдумах в поддержку государственной независимости, в чем была солидарна с коренными народами (всего «за» было 73% в Латвии и 78% в Эстонии; голосовало 80% имеющих голос⁴⁴). По оценкам рабочей группы эстонского Института социально-экономических и политических исследований в Эстонии в марте 1991 г. за независимость высказалось 37–40% неэстонцев, а социологический опрос в сентябре того же года показал, что 55% неэстонцев одобрили провозглашение независимости этой республикой в дни августовского путча 1991 г.⁴⁵. Лишь год спустя к власти пришли национал-радикалы (неграждане в выборах уже не участвовали), правление которых усилило конфронтационные тенденции в обществе. Жесткая политика правительства новых государств в отношении русских породила у последних не желание эмигрировать и даже не примирение со своей участью, а сопротивление и (сравнительно с другими регионами бывшего СССР) достаточно быструю и широкую политическую мобилизацию.

Следует иметь в виду, что традиции общественного сознания у эстонцев и латышей исторически складывались под влиянием немецкой культуры, а также на основе доктрины лютеранства. В социальной жизни этим балтийским народам (среди которых в прошлом преобладали хуторяне, ведущие индивидуальное хозяйство) присущи такие принципы, как законопослушание, соблюдение прав личности и собственности, прагматизм в делах. Эстонию и Латвию отличает от многих регионов России, не

говоря уже о Средней Азии, уважение на государственном уровне (в лице высокопоставленных чиновников) к собственным законам, ориентированность всего общества на ценности западной цивилизации – частную собственность и предпринимательство, защиту интересов личности. Все это дает национальным меньшинствам определенные социальные перспективы и возможность в цивилизованных формах отстаивать свои права. Шансы русскоязычного населения связаны также с глубокой заинтересованностью стран Балтии в сотрудничестве с мировым, а, вернее, европейским сообществом, с членством в различных европейских организациях. Обвинения со стороны правозащитных организаций Запада в нарушении элементарных прав человека и в этнической дискриминации крайне нежелательны. Осуществлению прагматической цели стать в полном смысле европейскими странами препятствуют формулы о приоритете этнических ценностей.

В соответствии с действующими законами эстонское правительство не запрещает издание целого ряда русских газет (вся пресса частная), в целом оппозиционному правительству. Они публикуют весьма острые материалы о дискриминации нетитульного населения, имеют широкую аудиторию. Мобилизующее влияние на русскоязычных жителей оказывают ежедневные, хотя и короткие – получасовые, но острые телевизионные программы на русском языке, главная цель которых та же – заявлять о правах неэстонцев. Финансовую поддержку ряду русскоязычных изданий оказывает Россия⁴⁶.

Достаточно широкую деятельность развернули множество политических и общественных организаций неэстонского населения, представляющих почти весь спектр социальных и политических ориентаций. Среди них две зарегистрированные партии (Объединенная народная партия Эстонии и Русская партия), незарегистрированная Русская народная партия. Кроме того – Союз ветеранских организаций, Союз славянских обществ, Представительная Ассамблея, объединяющая почти три десятка организаций национальных меньшинств, в том числе культурных обществ русских, украинцев, белорусов, евреев, татар, корейцев, узбеков и других народов, а также "Круглый стол национальных меньшинств при президенте Эстонии". Благодаря коалиции между ведущими партиями образовалась небольшая (6 депутатов из 101) Русская фракция в Рийгиколау (Эстонский парламент), которая, однако, не лишена внутренних противоречий из-за большой несхожести во взглядах ее членов. Шире русскоязычное население представлено в Городском собрании Таллина: 27 мест из 64 у Объединенной народной и Русской партии, однако единой платформы у них нет. В парламенте Латвии интересы русскоязычного населения отстаивают депутаты от Партии народного согласия, Социалистической партии, Партии единства Латвии⁴⁷.

Важнейшую политическую роль на русском северо-востоке Эстонии играют Нарвский профсоюзный центр и Союз российских граждан Эстонии (Нарва), которые за несколько лет своего существования организовали очень заметные политические акции. В числе них – политическая стачка 1992 г., в ходе которой в качестве предупредительной меры было отключено 50% мощностей нарвских энергетических объектов (они обеспечивают более чем на 90% всю республиканскую энергетику). В июле 1993 г. был организован референдум о предоставлении особого статуса эстонскому северо-востоку. В Нарве в референдуме приняли участие 54% избирателей, 97% из них высказались утвердительно (по данным председателя Союза российских граждан Ю.А. Мишина). Правительством этот референдум был признан незаконным. Тем же летом прошли многочисленные митинги. Результатом политической активности русскоязычного населения стало учреждение упомянутого «Круглого стола» при президенте. В этом регионе считается, что сам факт массового принятия российского гражданства «апатридами» чреват для Эстонии потерей государственной целостности: так в Нарве уже около 30% населения являются гражданами России⁴⁸, а что произойдет, если эта цифра перевалит за 50%? Тогда, по мнению руководства Союза российских граждан, можно ставить вопрос не только о самой широкой автономии региона, но и о его выходе из состава Эстонии.

Большое значение для борьбы русских за гражданские права имеет апелляция к зарубежным правозащитным центрам. Некоторые из них даже финансируют деятельность подобных организаций в Эстонии. В их числе – Общественный центр правовой информации по правам человека в Таллине, одно из направлений деятельности которого – бесплатные юридические консультации русскоязычных жителей. Возвращением к мировой общественности стал и Крестный ход, организованный в Таллине в декабре 1995 г. Православной церковью с целью привлечь внимание к противоправным действиям властей и собравший около 10 тыс. участников. Во многом благодаря широкой огласке фактов этнической дискриминации русскоязычным студентам в Эстонии с 1997 г. учреждается стипендия московского правительства⁴⁹.

Свои правила идеологам и политикам диктуют законы развития нормального рыночного общества. Резкое сокращение русских групп в вузах республики повлекло за собой открытие целого ряда частных учебных заведений с преподаванием преимущественно на русском языке. Появилось также много филиалов российских вузов⁵⁰. По новой программе для «основной» русской школы уроки русской истории, языка и литературы срезаны до минимума⁵¹, но открываются частные русские школы. В некоторых из них преследуется цель не только образования, но и духовного развития детей в традициях русской культуры, православия, российского патриотизма⁵².

Местное русскоязычное население в странах Балтии активно в предпринимательской деятельности, непосредственно связанной с рынком, – в торговле и посредничестве (что не характерно для русских Средней Азии). Например, в Латвии его представители составляют свыше 60% новых предпринимателей⁵³. Отчасти это связано с тем, что экономика балтийских стран, по крайней мере частные структуры, выигрывают от сотрудничества с Россией. Даже те фирмы, которые организованы собственно эстонцами, часто заинтересованы в приеме на работу русскоязычных сотрудников для установления партнерских связей с российским бизнесом. В Таллине, где частное предпринимательство развито больше, чем в других районах Эстонии, доля безработных среди русских гораздо меньше, чем на северо-востоке, в частности в Нарве⁵⁴.

Таким образом, жесткие законы, принятые в Эстонии и Латвии по отношению к русскому населению с явной целью воспрепятствовать его интеграции, вряд ли можно считать вполне эффективными, по крайней мере на достаточно длительном временном отрезке. Эти законы стали не «выталкивающим», а скорее мобилизующим фактором, настроивая русских и вообще русскоязычное население на сепаратизм. Так случилось в 1991–1992 г., когда руководители Народного фронта стали следовать националистическим установкам, а русским – участникам фронта – посоветовали создать русскоязычную секцию в рамках движения. Активисты-неэстонцы это предложение сочли абсурдным. В результате движение развалилось⁵⁵. Усилить давление на русских вряд ли возможно не только из-за упомянутой активности русского населения в предпринимательской сфере и его веса в экономике, но и в силу необходимости хотя бы отчасти соответствовать европейским правовым нормам: рекомендации ОБСЕ, комиссара ООН по беженцам, Декларации ООН предусматривают сокращение в Эстонии числа лиц без гражданства⁵⁶.

Конечно, русская диаспора в рассматриваемом регионе испытывает ряд несомненных трудностей. Однако, как было показано выше, ее представители считают, что положение в Эстонии лучше, чем в России, имея в виду качество жизни и условия работы⁵⁷. Подрастающее поколение имеет гораздо больше шансов выучить язык и интегрироваться в общество балтийских стран, чем люди зрелого и пожилого возраста. Интересно, что у учащейся русской молодежи психологи отмечают черты, не свойственные предыдущим поколениям эстонских русских: большая гибкость и адаптивность, эмоциональная закрытость, прагматизм, ориентация на интернациональную культуру⁵⁸. Через 10–15 лет за счет новых русскоязычных граждан может значительно измениться состав электората и, соответственно, органов власти, по крайней мере – на территориях русских анклавов, что, возможно, приведет к некоторым изменениям в национальной политике.

В отличие от балтийских, страны среднеазиатского региона отнюдь не являются открытыми в информационном смысле. Доступ к объективной политической, правовой, социальной информации ограничивается властными органами, особенно сдерживается циркуляция информации внутри стран (в меньшей степени это относится к Киргизии и отчасти к Казахстану). В республиканских и местных СМИ тема, связанная с положением русской диаспоры, почти не звучит, исключая северо-восточные области Казахстана, которые вообще тяготеют не к Средней Азии, а, скорее, к Сибири. Даже в относительно свободной прессе Киргизии публикаций на эту тему гораздо меньше, чем в странах Балтии. О положении дел в странах среднеазиатского региона можно судить, в основном, по официальным источникам и по публикациям в московских изданиях (хотя журналисты работают в условиях острого информационного голода). Что касается официальной версии, а также рассмотренных выше правовых положений, то ситуация выглядит более благополучной, чем в странах Балтии: дискриминационные меры на уровне государственных законодательств в отношении русского населения значительно слабее.

Для того, чтобы разобраться, что стоит за этими законами, каковы в действительности статус и социальные перспективы русской диаспоры, необходимо ответить на вопрос, какую социальную подоплеку имеет в этом регионе идеология «национальной государственности» и как вообще функционирует и структурируется среднеазиатское общество.

Реально идея о важности сохранения культурной идентичности и этнической самобытности не может быть актуальна для этого общества, поскольку нет угрозы их разрушения или исчезновения. Это регион с очень высокой плотностью населения (за исключением некоторых северных районов Казахстана, а также малопригодных для проживания территорий) и очень высокими показателями естественного прироста коренного населения. По данным на 1989 г. естественный прирост казахов составлял 24,8%, туркмен – 31,0%, узбеков – 31,5%, киргизов – 32,0%, таджиков – 36,8%⁵⁹. Существующий режим воспроизводства коренного населения позволяет удваиваться его численности каждые 20–25 лет. Доля русского населения там велика только на севере и северо-востоке Казахстана, севере Киргизии и в некоторых крупных городах, в целом же по региону она значительно ниже, чем в странах Балтии.

Большинство населения Средней Азии составляют сельские жители, образ жизни которых традиционен, а бытовой уклад патриархален. Городские жители коренной национальностей – преимущественно недавние выходцы (в первом – втором поколении) из сельской местности, сохранившие крепкие связи с родными селами и включенные в традиционную систему отношений. Устойчивость и живучесть традиционного образа жизни, иерархичных социальных связей отчетливо проявилась в советский период. Среднеазиатское общество успешно подстроилось к советской системе отношений, интегрируя ее элементы и отчасти подменив ее системой традиционной⁶⁰.

Идея «национального возрождения» в новых среднеазиатских государствах важна не сама по себе, она используется политиками для решения других, прямо не называемых целей. Во-первых – как общенациональная идея, сплачивающая общество, ведь на самом деле население ни одной среднеазиатской республики не представляет собой единой нации. Территориальные и родо-племенные деления играют там значительную роль и способствуют генерированию внутренней напряженности, связанной с борьбой за сферы влияния и власть. Война в Таджикистане – наглядный результат этих процессов. Внедрение в массовое сознание образа «этнически чужого», как и лозунг об этнонациональных интересах, призваны в этих обстоятельствах способствовать консолидации общества вокруг правящей элиты.

Далее, националистическая идеология позволяет отчасти обуздать разрушительную для правительств политизированную энергию сельской молодежи, наводняющей среднеазиатские города. Ее политическое влияние существенно, причем численность быстро растет в связи с кризисом перенаселения, особенно – аграрного, и, соответственно, катастрофически высоким уровнем сельской безработицы⁶¹.

Лозунги об этнических приоритетах используются для расширения поля жизнедеятельности растущего коренного населения, для идеологического оправдания вытеснения русских и других «некоренных» работников из тех сфер, где социальная конкуренция сильна⁶². Мотивом для смещения русскоязычных работников нередко становится слабое знание государственного языка, хотя в законодательстве такая мотивация прямо не оговаривается. Существует даже практика вытеснения «некоренных» жителей даже из их собственных жилищ. К примеру, простой, но незаконный способ выселения описывался на страницах московской прессы: на основании указа о заселении пустых квартир семьи туркмен занимают жилье тех, кто на короткий срок уехал на отдых или по делам за границу, в частности, в Россию⁶³.

Принятые в среднеазиатских государствах законы менее (чем в Балтии) дискриминационны в отношении русской диаспоры именно потому, что ни правительственные круги, ни другие общественные силы не опасаются усиления ее влияния. Раздел сфер влияния произошел между представителями национальной верхушки, почти без участия русских (в меньшей степени это относится к Северному Казахстану и, возможно, к ряду мест Северной Киргизии⁶⁴). Это связано с тем, что среднеазиатское общество по-прежнему в значительной мере функционирует на основе традиционных институализированных отношений и социальных норм. При советской власти они негласно как бы встраивались в систему, а в настоящее время, после обретения независимости, отдельные институты легализуются.

Сказанное относится к установившемуся в государствах региона по сути авторитарному образу правления, к способам назначения на должности в местных органах управления, к тому, что в политике почти не скрывается вес родо-племенных или территориальных группировок. Так, в Узбекистане создан институт наместников (*хокимов*) в областях и районах, назначаемых президентом. Главы Советов народных депутатов не избираются, а назначаются президентом⁶⁵. В Казахстане так же на управление областями «сверху» назначаются *акимы*, которые не несут ответственности перед жителями⁶⁶. За назначение на «доходные» должности установлена определенная такса, например, в Казахстане – на должность судьи⁶⁷. В Казахстане и Киргизии в сельской местности кое-где возрождены старые суды на основе степного права: *биев* в Казахстане⁶⁸, *аксакалов* с их карательными дружинами (*джоро*) и тюрьмами (*зинданами*) в Киргизии⁶⁹. Приданы официальные функции органов местного самоуправления традиционным сельским институтам в Киргизии⁷⁰, махаллинским комитетам в Узбекистане⁷¹.

Конечно, политика, построенная на такой системе отношений, отражает интересы лишь весьма узкого круга национальной элиты, а не всего «титульного» населения, среди которого есть приверженцы различных убеждений. И все-таки большинство составляют простые люди, жизнь которых строится в соответствии с обычаем. Они ощущают себя частью коллектива соплеменников, земляков⁷² и не осознают в полной мере свое правовое положение как индивидуумов, принимая за норму традиционную социальную иерархию.

Те группы жителей, которые оказались вне традиционной системы отношений, во многом лишены необходимой базы для политической деятельности и социального продвижения в среднеазиатском обществе. Именно в таком положении находятся представители русской диаспоры. Возможностей для политической активности с целью борьбы за свои права у них гораздо меньше, чем у русских в странах Балтии. Выборы в республиканские парламенты организованы таким образом, что нежелательные кандидаты отсекаются от борьбы за депутатские места различными неправовыми способами⁷³. В результате во всех парламентах доля депутатов-русских гораздо ниже, чем в составе населения страны. Так, в прежнем составе Верховного совета Казахстана представителям нетитульных народов принадлежало 28% мандатов (их доля в составе населения – 55,7%), а в Ассамблее народов Казахстана, созданной в 1995 г., казахов 46%, а русских 16%⁷⁴. В киргизский парламент (Жогорку Кенеш) было избрано только 6% славян, а всего представителей национальных меньшинств – 19%, хотя

они составляют 41% населения. На выборах 1994 г. в местные органы Киргизии русские получили лишь 7% депутатских мест⁷⁵.

Политическая цензура ограничивает возможность создания движений, выражающих интересы русского населения: они обычно рассматриваются как оппозиционные, подрывающие государственную стабильность⁷⁶. В странах Средней Азии нет сколь угодно влиятельных официально действующих политических партий такой ориентации. Лишь в северо-восточном Казахстане славянское общество «Лад» способно на местных выборах конкурировать с выдвинутыми казахской политической элиты⁷⁷. Публичные выступления представителей русской диаспоры имеют, как правило, несанкционированный характер и обычно влекут за собой либо репрессивные меры, либо угрозы насилия⁷⁸. То же надо сказать и о средствах массовой информации: большинство из них находится в государственном ведении. Резко ограничена информация извне: мало выходит российских телепередач и газет, особенно серьезных, связанных с политикой, в том числе поднимающих «русский вопрос».

Да и сама «цивилизованная» политическая борьба крайне затруднена из-за того, что многие правовые нарушения неявны и необозначены на законодательном уровне, они как бы затрагивают интересы отдельных граждан, а не представителей русской диаспоры в целом. Эти явления уходят корнями в социальные традиции восточного общества и почти недоступны для способов борьбы с применением демократических методов.

От подобных нарушений страдают также и представители титульного населения, воспринявшие в результате своего образования или по другим причинам «западную» систему ценностей. Однако, по моим наблюдениям, сделанным, впрочем, в начале 1990-х годов, в сознании немалой части европеизированной интеллигенции понятия о гражданских правах уживаются с обязанностью соблюдать традиционные нормы поведения. Человек с подобными принципами пожертвует скорее правами, чем традицией.

Многие представители русской диаспоры склонны рассматривать эмиграцию в Россию как наилучшее решение своих проблем, хотя этот путь сопряжен с огромными трудностями – и материального, и психологического плана. По данным Института прогнозирования РАН, в 1994–1995 гг. желание уехать высказали 75% русских, живущих в Узбекистане, 66% – в Казахстане и 62% – в Киргизии⁷⁹; по данным Н.М. Лебедевой (1995 г.), предпочли бы уехать 71% русских, опрошенных в Казахстане, и 73,2% в Узбекистане⁸⁰.

Конечно, правовое положение и ограничение социальных возможностей – лишь один из аспектов проблемы, связанной с миграционным поведением русских в среднеазиатском регионе. На настрой людей влияет, в первую очередь, резкое ухудшение качества их жизни. Архаизация затронула не только социальную жизнь, но и экономику новых государств, которая стала развиваться как бы вспять: свертываются высокотехнологичные производства, в состоянии кризиса находится промышленность, разваливается коммунальное хозяйство городов, населению все труднее выживать без подспорья в виде натурального хозяйства.

Есть ли шанс у русской диаспоры Средней Азии добиться политического влияния, благодаря своему экономическому весу? Большое, а иногда и решающее значение для экономики новых государств имеет энергетическая и горнодобывающая промышленность. В этих производственных сферах представители коренных национальностей не составляют конкуренции квалифицированным русскоязычным работникам – последних там большинство. А между тем многие крупнейшие предприятия находятся на грани закрытия из-за эмиграции русскоязычных работников⁸¹.

Объективно общество должно быть заинтересовано в сохранении русских специалистов. Правительственные круги нередко высказывают озабоченность по поводу массового отъезда русского населения. Однако в массовом сознании представителей коренного населения эмиграция русских воспринимается скорее с положительной стороны: освобождается жилье и рабочие места⁸². Что касается приватизации и возможности частного предпринимательства, то в среднеазиатском регионе эти тенденции

выражены весьма слабо и мало затрагивают русскую диаспору. Приватизация проводится низкими темпами и таким образом, чтобы не допустить русских к владению собственностью⁸³. Избирательный характер имеет и финансовая поддержка, поступающая от иностранных государств, система кредитования⁸⁴. Теоретически шанс воспользоваться кредитами у русской диаспоры сохраняется, однако его реализация затруднена по ряду причин, в том числе из-за слабой организованности русских⁸⁵.

Подводя итог сравнительному анализу, можно сделать вывод, что ни государственное законодательство, ни официальная риторика не могут служить показателем реального состояния дел в том или ином государстве. Особенно это касается среднеазиатских государств, где, в соответствии с традициями восточного общества политическая и социальная жизнь течет как бы в обход официальных правовых норм и декларируемых законов.

Дискриминируемая группа населения, какой является русская диаспора, имеет реальные шансы рассчитывать на улучшение своего социального и правового положения лишь в стране с информационной открытостью, уважающей в своем законодательстве черты гражданского общества, при ориентации экономики на нормальные рыночные отношения. Именно поэтому положение русской диаспоры в странах Балтии представляется более предпочтительным, чем в среднеазиатском регионе.

Примечания

¹ Губогло М.Н. Переломные годы. Т. 1. – Мобилизованный лингвизм. М., 1993. С. 78.

² Русские. Этносоциологические очерки. М., 1992. С. 99.

³ Там же. С. 52.

⁴ Чешко С.В. Распад Советского Союза. Этнополитический анализ. М., 1996. С. 147–164, 231–233; Губогло М.Н. Указ. раб. С. 91.

⁵ Губогло М.Н. Указ. раб. Т. 1. С. 86, 159, 288–289.

⁶ Закон Латвийской республики о внесении изменений и дополнений в закон Латвийской ССР о языках (31 марта 1992 г.) // Губогло М.Н. Переломные годы. Т. 2. Языковая реформа – 1989. Документы и материалы. М., 1994. Ст. 4, 7; Закон Эстонской республики о языке (1995 г.) // Сборник законодательных актов государств СНГ и Балтии по вопросам миграции, гражданства и связанным с ним аспектам. Составитель Г. Санкидзе. [Москва, 1996]. Ст. 4, 5.

⁷ Губогло М.Н. Указ. раб. Т. 1. С. 223–224.

⁸ Закон Латвийской республики... Ст. 11, 15.

⁹ Полякова Л. Интервью с Э. Гауберг, вице-канцлером Министерства культуры и образования // Эстония (Таллин). 5 окт. 1995.

¹⁰ Закон Эстонской республики... Статьи 7, 11.

¹¹ См.: Закон Эстонской Советской Социалистической Республики «О языке» (18 января 1989 г.); Закон Латвийской Советской Социалистической Республики о языках (5 мая 1989 г.) // Губогло М.Н. Указ. раб. Т. 2.

¹² Губогло М.Н. Указ. раб. Т. 1. С. 101.

¹³ Там же. С. 97–101.

¹⁴ См. тексты законов о языках Таджикской ССР (22 июля 1989 г.), Казахской ССР (22 сентября 1989 г.), Киргизской ССР (23 сентября 1989 г.), Узбекской ССР (21 октября 1989 г.), Туркменской ССР (24 мая 1990 г.), в кн.: Губогло М.Н. Указ. раб. Т. 2.

¹⁵ Приняты в 1989 г. Постановления Верховных Советов Таджикской, Казахской, Киргизской, Узбекской ССР о порядке введения в действие законов о языках в кн.: Губогло М.Н. Указ. раб. Т. 2; ст. 5, 6, 7, 10, 17 и др. Закон Туркменской ССР о языке см. там же. Т. 2. С. 220–222.

¹⁶ Ардаев В. В Казахстане народу представлен проект конституции «под Назарбаева» // Известия. 3 авг. 1995.

¹⁷ Мартузина Л. Конфуз с языком // Правда. 31 мая 1996.

¹⁸ Пядухов Г. Киргизия: политический фактор вынужденной миграции // Миграция русскоязычного населения из Центральной Азии: причины, последствия, перспективы. М., 1996. С. 134.

¹⁹ Закон Республики Узбекистан о государственном языке (1995 г.) // Сборник законодательных актов... С. 385–387; см. также: Ульянова Ю. Узбекистан в поисках демократии // Независимая газета. 1 марта, 1996.

²⁰ Закон Латвийской Республики о гражданстве (1994 г.). Ст. 12 // Сборник законодательных актов... С. 191–201; Закон Эстонской Республики о гражданстве (1995 г.). Ст. 6, 9 // Там же. С. 432–443.

²¹ Закон Латвийской Республики о гражданстве. Статья 25; Закон Эстонской Республики о гражданстве. Ст. 12; Замечания к докладу Эстонской Республики, представленному в соответствии со ст. 40 Международного пакта о гражданских и политических правах. Общественный Центр правовой информации по правам человека. Таллин, 1996. С. 4.

²² Закон Латвийской Республики о гражданстве. Ст. 4.

²³ Закон Эстонской Республики о гражданстве. Ст. 12.

²⁴ По данным зам. председателя думского комитета по делам СНГ А. Чехоева. См.: Среди всех стран Балтии самое тяжелое положение русских – в Эстонии // *Вечерняя Москва*. 28 сент. 1996.

²⁵ Закон Латвийской Республики о гражданстве. Ст. 14.

²⁶ Миграции и новые диаспоры в постсоветских государствах. М., 1996. С. 107.

²⁷ *Барановский А.* Депутаты намерены защищаться от «славянского влияния» дубинами. Неграждане не получили права участвовать в выборах местных органов власти // *Сегодня*. 12 окт. 1996.

²⁸ Закон Эстонской республики о культурной автономии национального меньшинства (1993 г.). Ст. 6 // *Сборник законодательных актов...* С. 426–431.

²⁹ Замечания к докладу... С. 4; *Монахов П.* Резолюция ООН о правах человека в Эстонии принята. Что дальше? // *Вечерние вести*. Таллин. 18 дек. 1995.

³⁰ Конституционный закон Латвийской Республики «Права и обязанности человека и гражданина» (1991 г.). Ст. 9 // *Сборник законодательных актов...* С. 168–173.

³¹ Замечания к докладу... С. 4–5.

³² Там же. С. 11.

³³ Helsinki Watch: «New Citizenship Laws in the Republics of the Former USSR». V. IV, issue 7, 1992; «Права человека и Эстония» // *Молодежь Эстонии*. Таллин. 15 ноября 1995.

³⁴ Замечания к докладу... Приложение 1.

³⁵ *Kolstoe P.* Russians in the Former Soviet Republics. L., 1995. P. 136–137; Русские в Эстонии. Центр исследований русских меньшинств в странах Ближнего зарубежья. М., 1995. С. 15.

³⁶ Замечания к докладу... С. 15; Там же. Приложение 14.

³⁷ *Kolstoe P.* Op. cit. P. 133.

³⁸ *Полякова Л.* Указ. раб.

³⁹ *Аалаталу Т.* Не солидно, профессор Исаков! // *Эстония*. (Таллин) 22 дек. 1995.

⁴⁰ *Брусина О. И.* Полевые материалы (декабрь 1995 г.). Таллин: Тетрадь № 1. С. 43, 53–55; Нарва: Тетрадь № 2. С. 15, 34, 56. См. также *Kolstoe P.* The new Russian diaspora – an identity of its own? Possible identity trajectories for Russian in former Soviet republics // *Ethnic and Racial Studies*. V. 19. № 3. L., 1996. P. 624–625; Русские в новом зарубежье. Итоги этносоциологического исследования в цифрах. М., 1996. С. 96.

⁴¹ Русские в Эстонии. Центр исследований русских меньшинств... С. 25.

⁴² *Лебедева Н. М.* Новая русская диаспора: Социально-психологический анализ. М., 1995. С. 165.

⁴³ Характеристика состояния и структура общественных настроений жителей города. Институт социально-экономического анализа Эстонии. Нарвский филиал. Нарва, 1995. С. 6–7.

⁴⁴ *Kolstoe P.* The new Russian diaspora... P. 118–119, 141.

⁴⁵ *Барабанер Х. и др.* Тенденции развития общественных движений неэстонского населения Эстонии // *Эстония* (Таллин). 15 июня 1995.

⁴⁶ *Константинова Н.* Проблема решается совместными усилиями // *Независимая газета*. 28 окт. 1995.

⁴⁷ *Барановский А.* Указ. раб.

⁴⁸ Замечания к докладу... Приложение 2.

⁴⁹ *Митрофанов Н.* Москва помнит о русских диаспорах // *Вечерняя Москва*. 14 янв. 1997.

⁵⁰ *Полякова Л.* Указ. раб.

⁵¹ Там же.

⁵² *Брусина О. И.* Полевые материалы (декабрь, 1995). Нарва: Тетрадь № 2. С. 47–58 – интервью с директором частной русской школы «Возрождение» в Усть-Нарве.

⁵³ Приводится по: *Тишков В. А.* Русские как меньшинства (пример Эстонии) // *Русские в ближнем зарубежье*. М., 1994. С. 104.

⁵⁴ *Брусина О. И.* Полевые материалы (декабрь 1995). Таллин: тетрадь № 1. С. 53, 93; Нарва: тетрадь № 2. С. 39, 44, 87.

⁵⁵ *Барабанер Х. и др.* Указ. раб.; *Брусина О. И.* Полевые материалы (декабрь 1995). Интервью с директором Общественного Центра правовой информации по правам человека Л. Яковлевой. Таллин. Тетрадь № 1. С. 37.

⁵⁶ Замечания к докладу... Приложение 7. С. 2.

⁵⁷ «Почему неэстонцы предпочитают жить в Эстонии?» // *Эстония*. 13 дек. 1995. (Опрос проведен Тартуским университетом).

⁵⁸ *Полякова Л.* Можно ли любить конкурента? – Интервью с заведующей отделением психологии Нарвской высшей школы Л. Колосовой // *Эстония*. 12 дек. 1995.

⁵⁹ Численность и социально-демографические характеристики русского населения в республиках бывшего СССР. Госкомстат РФ. М., 1994. С. 23.

⁶⁰ Это явление отмечалось в литературе. См.: *Бушков В.И., Миккульский Д.В.* История гражданской войны в Таджикистане. М., 1996. С. 133–146; *Бушков В.И.* Таджикиский авлод тысячелетия спустя // Восток. 1991. № 5; *Чешико С.В.* Указ. раб. С. 216.

⁶¹ *Брусина О.И.* Киргизия: социальные последствия аграрного перенаселения // Этнографическое обозрение (далее – ЭО) 1995, № 4, С. 99–103; *ее же.* Национальная государственность и «русский вопрос в Казахстане» // Этнический фактор в современном социально-политическом развитии Казахстана. М., 1996. С. 7–8 (Исследования по прикладной и неотложной этнологии ИЭА РАН (далее – ИПНЭ ИЭА РАН). Документ № 94). *Арапов А.В., Усманский Я.С.* Евразийство на постсоветском пространстве (На примере Узбекистана) // Центральная Азия. Luleo, 1996, № 5. С. 43; *Кульчик Ю.Г.* Республика Узбекистан в середине 90-х годов. М., 1995. С. 21–22. (ИПНЭ ИЭА РАН. Документ № 90).

⁶² *Брусина О.И.* Русские в Средней Азии и Казахстане: национальное меньшинство с прошлым «старшего брата»? // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Ч. 2. М., 1993.

⁶³ *Антонов А.* Как я стал вынужденным переселенцем из Туркмении // Известия. 30 сент. 1995; *Ан. В.* Исповедь русского о житье в Туркмении после развала СССР // Правда, 13 сент. 1995.

⁶⁴ *Пядухов Г.* Указ. раб. С. 141.

⁶⁵ *Кульчик Ю.Г.* Указ. раб. С. 29.

⁶⁶ *Савин И.С.* Этнический аспект современной социально-экономической ситуации в Казахстане (1993–1995 гг.) // ЭО. 1996. № 5.

⁶⁷ *Козлов С.* Скрылся председатель Верховного суда // Независимая газета. 30 мая 1996.

⁶⁸ Сообщение Б. Мукушева.

⁶⁹ Суд аксакалов в Киргизии // Независимая газета. 30 янв. 1996.

⁷⁰ *Акаев А.* Доклад на совещании глав местного самоуправления Кыргызской Республики // Слово Кыргызстана. Бишкек, 23 ноября 1994.

⁷¹ *Дубнов А.* Не реформатор, а реставратор // Новое время. 1996, апрель. (Беседа с Сурьян Бек Шериповом); см. также: *Кульчик Ю.Г.* Указ. раб. С. 37.

⁷² *Лычагина Н.И., Чамкин А.С.* Влияние культурных традиций Востока на хозяйственную деятельность // Социологические исследования. 1989. № 4. С. 13–17.

⁷³ Устное сообщение председателя Славянского общества «Лад» (Алма-Ата) А.В. Докучаевой (1995 г.); см. также: *Митина Д.А.* Миграционные процессы и тенденции этносоциального развития в Казахстане // Этнический фактор в современном социально-политическом развитии Казахстана. С. 25.

⁷⁴ *Митина Д.А.* Указ. раб. С. 26.

⁷⁵ *Пядухов Г.* Указ. раб. С. 135.

⁷⁶ Примеры см.: Республика Туркменистан // Современная общественно-политическая ситуация в Средней Азии и Казахстане. М., 1993. С. 22 (ИПНЭ ИЭА РАН, Документ № 50); *Митина Д.А.* Указ. раб. С. 25.

⁷⁷ *Брусина О.И.* Национальная государственность... С. 10–11.

⁷⁸ См. примеры по Туркмении: *Кадыров Ш.* Диктатура и массовые нарушения прав человека в Туркменистане (доклад на международной научно-практической конференции «Россия и Восток: проблемы взаимодействия», М., 1992); по Казахстану: *Козлов С.* Активисты общественных организаций требуют освобождения лидера «Русской общины» Северного Казахстана // Независимая газета. 6 мая 1994; *его же.* Неудавшийся казачий марш в столице Казахстана // Независимая газета. 22 ноября 1994.

⁷⁹ *Витковская Г.* Миграционное поведение нетитульного населения в странах Центральной Азии // Миграция русскоязычного населения из Центральной Азии... С. 86.

⁸⁰ *Лебедева Н.М.* Указ. раб. С. 50–51, 89.

⁸¹ См.: Республика Кыргызстан // Современная общественно-политическая ситуация... С. 10; Республика Туркменистан // Там же. С. 21; *Брусина О.И.* Национальная государственность... С. 9; *Пядухов Г.* Указ. раб. С. 142; *Кульчик Ю.Г.* Указ. раб. С. 13–14.

⁸² См.: *Савоскул С.С.* Русские в государствах Центральной Азии: проблемы и перспективы // Отечественная история. 1996. № 3. С. 143; *Савин И.С.* Указ. раб. С. 46–47; Беседа с политологом Нурбулатом Масановым: «Какие ветры гонят людей из Казахстана» // Правда. 31 мая 1996.

⁸³ *Кульчик Ю.Г.* Указ. раб. С. 15; *Савин С.И.* Указ. раб. С. 45.

⁸⁴ *Пядухов Г.* Указ. раб. С. 137. (Данные по Киргизии).

⁸⁵ *Брусина О.И.* Русские в Средней Азии и Казахстане...

In this article the author rises the question of the possibility to have a clear view of the real standing of Russians and in the broad sense the Russian speaking people on the basis of its legal status. According to the law the standing of Russians is more difficult in the Baltic countries then in Central Asia. But the analysis of the latest developments, the real situation in the new countries of both regions, their demographic and economic position and the Russian diaspora spokesmen' migratory mood lets the author come to the contrary opinion.

© 1997 г., ЭО, № 5

О.Е. Казьмина

ВОПРОС О РЕЛИГИОЗНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ В ПЕРЕПИСЯХ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ И СССР

В связи с приближением очередной переписи населения, которая будет проведена в 1999 г., как в центральном статистическом учреждении страны – Госкомстате, так и среди научной общественности обсуждается вопрос о необходимости внесения некоторых изменений в ее программу. В частности, в нее было предложено включить вопрос о религиозной принадлежности опрашиваемых.

Следует отметить, что для истории переписного учета населения России этот вопрос не является новым. Конфессиональная принадлежность выяснялась при проведении Первой всеобщей переписи населения Российской Империи в 1897 г. Подавляющее большинство жителей России без какой-либо предвзятости отнеслись к этому вопросу и ответили на него во время переписи. Тем не менее у небольшой части населения из-за недостаточной разъяснительной работы (все-таки это было первое мероприятие такого рода в масштабах всей страны) данный вопрос вызвал резкое неприятие. Речь идет о некоторых группах старообрядцев (в основном последователях радикальных беспоповских толков), которые опасались, что после того как будут выявлены их численность и места расселения, власти усилят гонения на них. Некоторые старообрядческие руководители объявили перепись деянием Сатаны.

Данные о религиозной принадлежности жителей России, полученные при проведении переписи населения 1897 г., отличались довольно большой подробностью: в опубликованных материалах было выделено 15 конфессиональных групп. Самой многочисленной группой – 69,4% населения, естественно, были православные вместе с единоверцами, т.е. той группой старообрядцев, которые приняли руководство Русской Православной церкви. Другие старообрядцы вместе с последователями сект русского происхождения (молокане, духоборцы и др.) составили 1,8% населения, армяно-григориане – 0,9%, армяно-католики – 0,03%, католики – 9,1%, лютеране – 2,8%, реформаты – 0,07%, меннониты – 0,05%, баптисты – 0,03%, прочие христиане – 0,01%, иудаисты – 4,2%, караимы – 0,01%, мусульмане – 11,1%, буддисты (включая ламаистов) – 0,3%, приверженцы других нехристианских конфессий – 0,2%¹.

Для выяснения этноконфессиональной ситуации в стране накануне XX в. очень ценными являются имеющиеся в опубликованных материалах переписи перекрестные таблицы о вероисповедании и родном языке (вопрос о национальной принадлежности, как известно, во время переписи населения 1897 г. не ставился), позволившие проследить степень корреляции этнической и конфессиональной принадлежности.

Следующая после 1897 г. перепись населения России состоялась в августе 1920 г. Первоначально предполагалось включить вопрос о религии и в эту перепись (он имелся в образце будущего переписного листа). Однако в последний момент по лич-